

Издательство АСТ
МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Альгирдо (Algirdo g.)	
Введение в контекст	7
Улица Балстогес (Balstogės g.)	
Синей вечности, вечности	27
Белый Мост (Baltasis tiltas)	
Гражданская оборона	35
Аллея Казё Шкирпос (Kazio Škirpos al.)	
Эффект Жаровски	47
Улица Винцо Кудиркос (Vinco Kudirkos g.)	
Ирруан, доудаль, индера	53
Улица Добужинскё (Dobužinskio g.)	
Демон и Зверь	66
Улица Жюпронию (Žiupronių g.)	
Розовый чемодан	82
Зелёный мост (Žaliasis tiltas)	
Конкиста	96
Площадь Йоно Жемайчё (Jono Žemaičio a.)	
Правила джиннов	122
Улица Место Сенос (Miesto Sienos g.)	
Музыка и цветы	148
Улица Онос Шимайтес (Onos Šimaitės g.)	
Море по колено	166

Улица Повило Вишинскё (Povilo Višinskio g.)	
Гости	178
Сквер С. Монюшкос (S. Moniuškos skv.)	
Возможны варианты	187
Улица Сметонос (A. Smetonos g.)	
Гест	196
Улица Стасё Вайнюно (Stasio Vainiūno g.)	
Наша жизнь	227
Улица Тауро (Tauro g.)	
Вечный календарь	236
Ужупский мост (Užupio tiltas)	
Капуста!	241
Рынок Халес (Halės Turgus)	
Рукопись, найденная на рынке	252
Улица Швенто Бруноно Бонифацо (Šv. Brunono Bonifaco g.)	
Будет, как будет	269
Улица Швенченю (Švenčionių g.)	
Берег есть	280
Улица Яблонскё (Jablonskio g.)	
Это будет длинный день	294

*Несколько эпизодов из жизни сотрудников
Граничной полиции города Вильнюса*

— Э то и есть адское смертоносное хрючево? — спрашивает высокий незнакомец в черном пальто. В руке у него красный картонный стакан из кофейного автомата. Судя по безмятежному выражению лица, он еще не успел сделать ни глотка. От кофе из этого автомата кого хочешь перекосило бы. Даже его.

Таня смотрит на незнакомца в черном пальто, улыбается все шире и шире и ничего не может сделать с этой своей дурацкой улыбкой, потому что, конечно, его узнала, вернее, сразу поняла, кто он такой. Старый друг; ну то есть как — друг. На самом деле, просто фейсбучный приятель. Никогда прежде его не видела, но — даже не то чтобы надеялась однажды случайно встретиться в городе, скорее, считала, что их встреча вполне неизбежна. Когда регулярно болтаешь в фейсбуке с ангелом смерти, поневоле привыкаешь к мысли, что однажды он придет за тобой. Даже отчасти на это рассчитываешь. В смысле всем сердцем надеешься что старый верный читатель, не оставляющий без лайка ни одной фотографии твоего кота,

не доверит такое важное дело, как завершение твоей жизни черт знает кому.

Хотя, — думает Таня, — именно сейчас это было бы крайне некстати. Работы много, и что-то чем дальше, тем ее больше. Чуть ли не через день какой-нибудь впечатлительный гость подкидывает нам очередную несовместимую с жизнью иллюзию хренадцатой с гаком степени достоверности; из всех потусторонних щелей, открытых, чтобы в городе всегда дул вольный ветер неведомого, за компанию с ветром бодро лезет не пойми что, как правило, очень голодное; дня не проходит, чтобы какой-нибудь неосторожный прохожий, замечтавшись, не провалился за ветхую подкладку реальности, на ее изнанку, где без специальной подготовки уцелеть мало шансов; при этом рутинных еженощных противозаконных кошмаров тоже никто не отменял. Старых кадров просто на все не хватает, а от новичков пока мало толку, их еще учить и учить. А тут еще я такая — ну все, я пошла, не скучайте, привет!

Стефан, — думает Таня, — будет страшно ругаться, если я вот так безответственно возьму и помру за полчаса до дежурства. И, чего доброго, обратно за ухо приволочет. Стефан есть Стефан, у него особо не забалуешь; при всех его несомненных достоинствах, работать с ним нелегко.

— Нет, — наконец говорит она. — В этом автомате не смертоносное. Согласно моей классификации, просто обычное адское хрючево. Не надо тебе его пить.

— Да ладно, не настолько я привередлив, — старый друг-незнакомец тоже улыбается до ушей. — К тому же я сейчас не на работе, — поспешно добавляет он. — Поэтому легко обойдусь без всего смертоносного. Обычное адское хрючево тоже вполне сойдет.

— Я имею в виду, кофе из этого автомата недостаточно ужасный, чтобы пить его ради обретения уникального опыта, — объясняет Таня. — А об удовольствии, сам понимаешь, речи нет. Но если уж так удачно сложилось, что мы встретились на вокзале, ты не на работе, и у меня еще почти полчаса до начала дежурства, пошли дойдем до автобусной станции, покажу тебе кофейный автомат с настоящим адским смертоносным хрючевом. Равных ему во всем городе нет.

— А это что, вылить? — спрашивает незнакомец, в смысле старый фейсбучный приятель, выразительно крутя в руках свой красный картонный стакан.

— Не надо ничего выливать, — говорит Таня. — Лучше отдай его мне. Я за ним сюда специально пришла. Перед каждым дежурством обязательно пропускаю стаканчик привокзального адского хрючева, просто для создания рабочего настроения.

— Чтобы в достаточной степени озвереть и стать настоящим злым полицейским? — подмигивает ей ангел смерти.

— Что-то вроде того, — невозмутимо кивает Таня. И, помолчав, добавляет: — Я так рада, что мы с тобой наконец-то встретились, и ты при этом не на работе, а я не сплю, то есть не на дежурстве. Зашибись получилось. Идеальный вариант.

* * *

Демон Виктор Бенедиктович, кое-как задремавший после бессонной ночи — до утра возился с очередным отчетом, все сделал как надо, предсказуемо чуть не сдох, — подскакивает от птичьего щебета своего дверного звонка. Серdito спросонок думает, нашаривая ногами тапки:

это кого еще принесло? Наконец, приходит в себя, вспоминает: я же никого не жду, ни посылку, ни доставку продуктов, ни электрика с водопроводчиком, так что пошли все в задницу, не буду открывать, — и снова укладывается на диван, демонстративно накрыв голову подушкой. Но тут же снова подскакивает, вспомнив, что обычно его дверной звонок пронзительно верещит, как голос Пятой Седой Негодующей Твари в летнем доме старшего мертвого брата над вечной пропастью Йенн; потому, собственно, и установил его — из сентиментальных соображений, чтобы почаще вспоминать любимого брата и всех остальных. А на птичий щебет звонок переходит только по воле Стефана. Старому другу почему-то не нравится голос Пятой Седой Негодующей Твари; может, его просто в детстве укусила такая? Интересно, очень ли бестактно будет его об этом спросить?

Демон Виктор Бенедиктович, кряхтя, поднимает с дивана свое немолодое грузное тело; привычно удивляется: зачем я такое выбрал? — привычно же вспоминает: думал, будет смешно; собственно, поначалу и было, просто потом надоело, невозможно смеяться над одной и той же шуткой шестьдесят лет подряд, — и идет открывать.

Стефан стоит на пороге, такой сияющий, словно подрядился на полставки подрабатывать в этом городе дополнительным солнцем; с него, кстати, стало бы, он неугомонный и жадный до любых новых дел. Говорит:

— Я с гостинцем.

И достает из кармана куртки прозрачную аптечную склянку, на дне которой беспокойно ворочается густая тяжелая крупная капля Синей Шор-Обрианской Тьмы.

— Ну ты даешь, — восхищенно вздыхает Виктор Бенедиктович. И от избытка чувств повторяет: — Ну ты даешь!

Синюю Шор-Обрианскую Тьму он в этом дурацком человеческом теле, конечно, не выпьет. Но ее не обязательно пить, достаточно втереть в кожу на висках и запястьях, а потом вдыхать аромат, явственно ощущая, как откуда-то из тайных глубин твоего существа поднимается жаркая веселая сила, которую, наверное, можно назвать местным человеческим словом «счастье»; это будет очень неточно, но все-таки по смыслу ближе всего.

— Пустяки, — отмахивается Стефан. — Совершенно случайно мне досталась. Один знакомый контрабандист с Другой Стороны подарил.

На самом деле он чрезвычайно доволен собой. Стефан любит делать подарки почти больше всего на свете. Больше, чем делать подарки, он любит только командовать и спасать.

Вот и сейчас сразу начинает командовать:

— А ну давай, включай свою кофеварку. Мне тоже срочно требуется тьма. Но не Шор-Обрианская, а местная, крепкая, горькая, хорошо бы со сливками, потому что так жрать хочется, что аж переночевать негде. И не с кем. Да и некому, если начистоту.

Открывает холодильник, вытаскивает оттуда кусок подсохшего сыра, впивается в него зубами, с набитым ртом говорит:

— Прости. Я не хамло бесцеремонное, как может показаться, а просто зверски голодный. Тут у нас такие дела: сперва объявился очередной фрагмент Серого Ада, тридцать восьмой степени достоверности, как обычно, возле вокзала, где еще ему быть. Полночи с ним разби-

рались, а прямо с утра пораньше пришлось гоняться за Голодным Мраком, да не простым, а очень старым и хитрым, сумевшим объявиться одновременно в трех местах; что-то, кстати, в последнее время эти твари к нам зачастили, надо бы с ними разобраться кардинально, раз и навсегда. С другой стороны, чему я удивляюсь? Все наши входы и выходы нараспашку, штатных дневных чудовищ пока не хватает, вот и прет на свободное место неведомо что. А закрываться даже на время — не выход, какой мы тогда, к ядреным чертям, Граничный город, правильно?.. Слушай, я что, нево время? Ты мне не рад?

— Я тебе рад, насколько вообще могу сейчас хоть чему-нибудь радоваться, — отвечает демон Виктор Бенедиктович, аккуратно свинчивая крышку с заветной склянки. — Почти не спал. Всю ночь с отчетом валандался.

— С отчетом? — хмурится Стефан. — Но тебе еще несколько лет до конца контракта, зачем какой-то отчет?

— Восемнадцать, — педантично уточняет Виктор Бенедиктович. — Как по мне, это не «несколько лет», а целая чертова вечность, чтоб ей пусто было... впрочем, нет, лучше не надо пусто, все-таки вечность — не чья-нибудь, а моя. А чего ты вдруг всполошился? Я писал обычный рутинный отчет, по моей текущей человеческой работе. Особого смысла в нем нет, и даже практическая польза, на мой взгляд, крайне сомнительна, но все, за что по какой-то причине берешься, следует делать хорошо. Вот и сидел до утра, куда деваться. А мое дурацкое тело не для подвигов рождено. Ничего, твой гостинец это быстро поправит; если экономно расходовать, его хватит надолго, может, на целый год. Спасибо, я твой должник.

— Да ладно тебе, — смеется Стефан. — Можешь считать это взяткой. Не в обмен на что-то конкретное, просто всем нам здесь очень нужен максимально счастливый ты, насколько это вообще сейчас для тебя возможно. Окажешь мне такую услугу?

— Постараюсь, — улыбается демон Виктор Бенедиктович. — Кстати, давно собирался тебя спросить, но боялся показаться бестактным. Однако пока ты бесцеремонно роешься в моем холодильнике...

— Да-да-да, — с набитым ртом мычит Стефан, только что вероломно лишивший старого друга здоровенного куска ветчины. — Сейчас идеальный момент, чтобы забить на правила хорошего тона. Просто звезды на редкость удачно встали, да еще и на растущей Луне. О чем ты хотел спросить?

— Какие у тебя проблемы с Седыми Негодующими Тварями? Они тебя что, в детстве покусали?

— Никто меня не кусал, — удивленно отвечает Стефан. — Я об этих твоих Негодующих Тварях до знакомства с тобой вообще слыхом не слыхивал. А с чего ты решил, будто?..

— Да с того, что тебе мой дверной звонок не нравится.

— Ну так просто он верещит фальшиво, — совершенно серьезно объясняет Стефан. — А у меня очень тонкий слух и ярко выраженное стремление к гармонии. И, вынужден признать, как это ни постыдно, крайне консервативный вкус. Я даже атональную музыку с трудом выдерживаю, какая может быть Негодующая Тварь.

— Да, ты действительно консерватор, — соглашается демон Виктор Бенедиктович. — Но для твоей нынешней

должности так, наверное, даже лучше. Авангардист на страже порядка — это, как по мне, перебор.

Он осторожно макает палец в густую подвижную каплю цвета ночного неба, тщательно закручивает крышку, мажет тьмой виски и запястья, втирает, массирует и вдруг начинает плакать. Такое вообще-то с ним очень редко случается. Только в самые трудные дни.

— Это тебе так хорошо или все-таки плохо? — встревоженно спрашивает Стефан.

Виктор Бенедиктович машет рукой, дескать, отстань, потом. Стефан кивает, берет приготовленный кофе и усаживается на подоконник, чтобы не мешать.

— Прости, — наконец говорит демон Виктор Бенедиктович. — Конечно, мне сейчас хорошо. И по контрасту с обычным моим состоянием особенно остро понятно, насколько же я устал от жизни в этом дурацком теле, способность которого испытывать боль, на мой взгляд, несоразмерна практической необходимости, зато все остальные ощущения почему-то притуплены в гораздо большей степени, чем у старейших из наших мертвецов. А мне еще восемнадцать лет тут сидеть, согласно контракту. Не знаю, как я их вытерплю. Очень хочу домой.

— Это я понимаю, — серьезно кивает Стефан. — Сам иногда так здесь устаю, что начинаю думать: а может, послать все к черту?..

— Ай, не свисти, — невольно улыбается Виктор Бенедиктович. — А то я не знаю, что ты любишь этот нелепый город чуть ли не больше собственной жизни. Кого ты хочешь обмануть?

Стефан задумчиво улыбается:

— Да знаешь, пожалуй, не столько сам город, сколько возможности, которые здесь открываются перед

такими, как я, и всеми, кто по воле судьбы окажется рядом. В мире, где почти все считается невозможным, любое действие, исполненное любви и силы, становится чудом. А я обожаю чудеса. Родился бы обычным человеческим человеком, стал бы небось цирковым фокусником, чтобы вконец не затосковать. Но если уж так повезло, как мне, грех отказываться. Пока карта прет, надо играть.

— Твоя правда, — кивает демон Виктор Бенедиктович. — Где и выступить с фокусами, если не здесь. Когда закончится мой контракт, знаешь, чем займусь первым делом?

— Напьешься? — смеется Стефан.

— Это да, непременно. А проспавшись, сразу засяду за ходатайство в Высшую Потустороннюю Комиссию о многократном увеличении числа Граничных городов в этой, на мой взгляд, до абсурда печальной реальности. Здесь иначе вообще нельзя. Или открываем все окна и двери нараспашку, выворачиваем наизнанку все, что получится вывернуть, стираем границы между явью и сном, перемешиваем сбывшееся с несбывшимся, в самых неожиданных местах размещаем удивительные возможности, а сверху густо посыпаем прельстительными наваждениями, просто для красоты, или получаем на свою голову совершенно бессмысленный ад, который противоречит не только гуманистическим соображениям, но и здравому смыслу. Зачем он такой?

— Вот это будет доброе дело, — благодарно улыбается Стефан. — Ко мне они там не особо прислушиваются, у меня та еще репутация, зато твое слово — почти закон. — И, помолчав, добавляет: — Ты Синюю Тьму